

Даурания Шёпот

Любава Вознесенская

НЕВЕСТА ПОД ЗАЛОГ

Истории, которые остаются с тобой.

Даурания Шёпот

Невеста под залог

«Автор»

2026

Шёпот Д.

Невеста под залог / Д. Шёпот — «Автор», 2026

Любава Вознесенская — современная девушка, которая однажды оказывается в параллельном мире, где Россия — монархия, а она сама — никто. Приют в доме доброй вдовы оборачивается работой служанки: тяжёлый труд, косые взгляды, унижения. Но зелёные глаза и твёрдый характер не дают ей сломаться. Судьба делает крутой поворот: Любава оказывается наследницей графа Вознесенского. Однако завещание жестоко: получить состояние она сможет, лишь выйдя замуж до двадцати пяти лет. Теперь она — невеста под залог. Вокруг неё плетутся интриги, лицемерная родственница улыбается, скрывая нож, а женихи, один опаснее другого, сражаются за её руку и наследство. Но сердце Любавы принадлежит простому посыльному Алексею, который был рядом, когда она была никем. Сможет ли их любовь выстоять в мире лжи, титулов и смертельных заговоров? История о страсти, предательстве и отваге, где каждый шаг — борьба за свободу и право любить.

© Шёпот Д., 2026

© Автор, 2026

Даурания Шёпот

Невеста под залог

Невеста под залог

Глава 1. Из милости

Грохот стоял такой, будто небо раскалывалось пополам. Любава вздрогнула и открыла глаза, но вокруг была лишь крошечная тьма, густая и липкая, как смола. В первую секунду ей почудилось, что она оглохла и ослепла разом. Затем тьма понемногу расступилась, и она поняла, что лежит на чём-то жёстком, холодном, а сверху давит тяжёлый, сырой воздух.

Она пошевелила рукой и нащупала нечто шершавое, похожее на кору. Пальцы скользнули по мокрому мху. Лес. Она лежала на земле, среди корней, под низко нависшими лапами елей. Запах хвои, прели и дыма ударил в нос. Дым? Откуда в лесу дым?

С трудом, преодолевая головокружение, Любава села. Голова раскалывалась, виски сдавило невидимым обручем. Она дотронулась до лба — на пальцах осталась кровь, уже подсохшая, липкая. Что за чертовщина? Последнее, что она помнила, — асфальтовая дорожка парка, шум машин где-то вдалеке, музыка в наушниках. Потом — ослепительная вспышка, похожая на взрыв, и беззвучная волна, подбросившая её, как пушинку. Больше ничего.

Джинсы, промокшие насквозь, противно липли к ногам. Любава поднялась, цепляясь за ствол дерева, и огляделась. Ничего знакомого. Только стена леса, плотная, враждебная, уходящая вверх, к свинцовому небу. Ветви переплетались над головой, образуя подобие купола, сквозь который едва пробивался серый, болезненный свет. Тишина звенела в ушах, нарушаемая лишь редким стуком дятла да шелестом падающих капель.

Любава сделала шаг, другой. Под ногами хлюпало. Где-то далеко, за деревьями, ей почудился лай собак. Она пошла на звук, спотыкаясь о корни, продираясь сквозь колючий кустарник. Ветки хлестали по лицу, раздирали куртку. Казалось, прошла вечность, прежде чем деревья начали редеть, и она вышла на край оврага.

Внизу, в туманной низине, лежал город. Не такой, к каким она привыкла. Ни высоток, ни рекламных щитов, ни ровных линий проспектов. Узкие улочки, деревянные дома с покатыми крышами, церквушка с покосившимся крестом, лента реки, блеснувшая в лучах пробившегося сквозь тучи солнца. Всё это было будто нарисовано на старой, пожелтевшей картине. Любава замерла, не в силах оторвать взгляд. Где она? Что это за место?

Спускаться пришлось по крутому склону, хватаясь за траву. Ноги скользили по грязи. К тому времени, как она выбралась на дорогу, ведущую к городу, джинсы превратились в лохмотья, а руки были исцарапаны до крови. Первый же прохожий, старик в длинном армяке и высоких сапогах, едва не шарахнулся от неё, как от прокажённой. Его выцветшие глаза расширились от ужаса и изумления, он перекрестился и забормотал что-то себе под нос, ускоряя шаг.

— Пойдите! — крикнула Любава, но старик лишь махнул рукой и скрылся за поворотом.

Она побрела дальше, мимо покосившихся заборов и серых изб. Люди, попадавшиеся навстречу, смотрели на неё с одинаковым выражением: смесь любопытства, страха и брезгливости. Кто-то шептался, кто-то откровенно показывал пальцем. Любава слышала обрывки слов, и от них кровь стыла в жилах.

— Глянь, одежда-то... бесовская...

— Можя, из беглых?

— Да не, из беглых не такие. Тут иное что-то...

Она дошла до центральной площади. Здесь былолюдно. Торговые ряды, заваленные снедью, горшками, отрезами ткани. Запахи свежего хлеба, дыма, навоза и рыбы смешивались в удушливую вонь. У колодца бабы судачили, громко смеясь. У прилавка мясника ругались два мужика. На Любаву оглядывались, но уже с меньшим страхом, чем на окраине. Здесь, в толпе, она была просто ещё одной диковинкой.

Она остановилась у стены каменного собора, прижалась к холодной кладке, пытаясь отдышаться и собрать мысли. Но мысли разбегались, как тараканы. Где я? Кто все эти люди? Почему они так одеты? И, главное, как мне вернуться?

— Барышня, вам дурно?

Голос прозвучал неожиданно близко, над самым ухом. Любава вздрогнула и обернулась.

Перед ней стоял молодой человек, лет двадцати двух — двадцати трёх, высокий, статный, с той особой, чуть пружинистой выправкой, какая бывает у людей, привыкших много двигаться и мало сидеть на месте. Он был одет просто, но опрятно: белая холщовая рубаха, выгодно оттенявшая лёгкий загар лица, перехваченная пояском-кушаком, тёмные, добротные штаны, заправленные в высокие сапоги, начищенные до блеска, несмотря на уличную слякоть. На голове — картуз, из-под которого выбивались русые, чуть выующиеся волосы, влажные от мороси. Он был не то чтобы красив той приторной, кукольной красотой, что бросается в глаза сразу, но в чертах его лица было что-то необыкновенно располагающее: открытый, широкий лоб, ровный нос, ясные серые глаза, которые смотрели на Любаву с таким живым, искренним участием, что у неё на мгновение перехватило дыхание.

У него были сильные, крупные ладони, какие бывают у человека, знакомого с физическим трудом, но при этом движения его оставались ловкими, точными, почти изящными. Русая, слегка выущаяся бородка аккуратно окаймляла волевой подбородок, а рот, с чуть припухшей нижней губой, складывался в мягкую, ободряющую улыбку.

— Вы бледны, как полотно, — продолжал он, оглядывая её с ног до головы, но не с праздным любопытством, а с той внимательной тревогой, с какой старший товарищ оглядывает попавшего в беду ребёнка. — И одежда на вас чудная. Вы, верно, издалека? Аль случилось чего?

Любава открыла рот, но вместо слов вырвался лишь хрип. Она судорожно сглотнула и выдавила:

— Я... я не знаю, где я.

Парень нахмурился. Даже хмурясь, он не выглядел сердитым — скорее озабоченным.

— Как так не знаете? Это ж город Верховск. Губерния наша, Славгородская. Вы что ж, память потеряли?

— Выходит, так, — прошептала Любава, чувствуя, как к глазам подступают слёзы.

— Ну, не плачьте, — мягко сказал парень. — Сейчас не время. Меня Алексеем кличут. Я посыльный при гостинном дворе. Вы не бойтесь, я не лиходея. Давайте я вас к доброй женщине сведу. Она вас обогреет, накормит. А там, глядишь, и память вернётся.

Любава колебалась. Довериться незнакомцу в чужом месте — безумие. Но выбора не было. Она кивнула, и Алексей, ободряюще улыбнувшись, повёл её по улочкам, узким и кривым, как змеи.

По дороге он старался занять её разговором, и в этом не было навязчивости — лишь желание отвлечь от невесёлых мыслей. Он рассказывал, что в городе нынче ярмарка, что съехались купцы из трёх губерний, что у пристани пришвартовались баржи с рыбой и зерном. Голос у него был приятный, грудной, с лёгкой хрипотцой, будто от простуды или долгого молчания. Любава слушала его не столько слова, сколько сам тембр — он действовал на неё успокаивающе, как тёплое молоко с мёдом.

— ...А вы, барышня, не переживайте, — говорил он, оборачиваясь через плечо, чтобы убедиться, что она не отстала. — У нас город тихий, люди хорошие. Приживётесь — сами не захотите уезжать.

Он остановился у небольшого дома с палисадником. Алексей постучал в дверь. На пороге появилась женщина, низенькая, полная, с добрым, морщинистым лицом и натруженными руками. Она с удивлением уставилась на Любаву.

— Тётушка Марфа, — сказал Алексей, снимая картуз и отвешивая лёгкий поклон. — Вот, барышню нашёл на площади. Память потеряла, сама не своя. Одежда на ней чудная, виданное ли дело? Приютите её, Христа ради.

Марфа всплеснула руками.

— Ох, горе-то какое! Заходи, заходи, милая. Не бойсь. У меня, конечно, не хоромы, но голодной не оставлю.

Она втащила Любаву в дом. Внутри было тепло, пахло сушёными травами, дымом и кислым тестом. Любава села на лавку у стола, осмотрелась: большая печь с лежанкой, полки с горшками и ухватами, в углу прялка, на столе — глиняная миска с какими-то щами. Марфа налила ей горячего взвару, подала хлеб и картошки в мундире.

— Ешь, милая. Не побрезгуй.

Любава ела, давясь и не чувствуя вкуса. Слёзы текли по щекам, падали в миску. Алексей всё это время стоял у двери, переминаясь с ноги на ногу. Он не садился без приглашения, но и не уходил, словно чувствовал ответственность за ту, что привёл.

— Ну, я пойду, тётушка Марфа, — сказал он наконец, но как-то нерешительно, будто ждал, что его попросят остаться. — Дел много. А вы, барышня, отдыхайте. Вечером загляну, проведаю.

— Спасибо вам, — выдавила Любава, впервые поднимая на него заплаканные глаза.

Он встретил её взгляд и вдруг смутился, отвёл глаза, на щеках его проступил румянец.

— Не за что, — пробормотал он и, поклонившись, вышел.

Марфа, проводив его, села напротив, подперев щеку рукой, и принялась разглядывать гостью.

— Чудная ты, — сказала она наконец. — Глазищи зелёные, как у русалки. Волосы тёмные, длинные. И одежда эта... Откуда ж ты такая взялась?

— Из Москвы, — ответила Любава, не поднимая глаз.

— Из Москвы? — Марфа недоверчиво хмыкнула. — Далеконько. А как же ты сюда попала?

— Не помню.

— Ну-ну, — протянула Марфа. — Память, она, бывает, и возвращается. А пока живи у меня. Я вдова, хозяйство небольшое. Помощница мне нужна. Ты не гнушайся чёрной работы? А то барышни из столиц к труду не приучены.

— Я всё умею, — быстро сказала Любава. Ей было страшно остаться на улице. — И убирать, и стирать, и готовить.

— Вот и ладно, — кивнула Марфа. — Значит, столкнемся. Жить будешь в чулане, при доме. Не обессудь, но другого места нет.

Чулан оказался крошечной клетушкой, где едва помещались узкая лежанка, грубо сколоченный табурет и старый сундук. Окна не было. Любава забилась в угол, укрылась колючим шерстяным одеялом и разрыдалась. Тихо, беззвучно, давясь слезами, чтобы не услышала Марфа. Она впервые в жизни ощутила такую безысходность, такое отчаяние, что хотелось умереть прямо здесь, на этом жёстком тюфяке, в этом тёмном чулане.

Утром её разбудил петушиный крик. Любава открыла глаза и не сразу поняла, где находится. Потом вспомнила всё разом, и на сердце снова легла свинцовая тяжесть. Она встала, натянула на себя всё ту же грязную одежду и вышла во двор.

Осень уже вступила в права. По утрам землю покрывал иней, лужи подёргивались тонким ледком. Воздух был прозрачным и колючим. Любава обняла себя руками, чтобы хоть как-то согреться. Марфа уже хлопотала у хлева.

— Проснулась? — крикнула она. — Иди, подсоби! Курицу зарежь. Нынче базарный день, надо к обеду суп сварить.

Любава замерла. Зарезать курицу? Она никогда в жизни этого не делала. В Москве она покупала филе в пластиковых лотках в супермаркете.

— Я... я не умею, — призналась она.

Марфа посмотрела на неё, как на полоумную.

— Не умеешь? А говорила, всё умеешь. Ну-ка, бери топор. Или нож. Да не дрожи ты. Курица — она ж не человек.

Любава, сглатывая подступившую к горлу тошноту, взяла нож. Курица, белая, с красным гребешком, квохтала и рвалась из рук. Любава закрыла глаза и полоснула по горлу. Кровь брызнула на руки, на передник, который дала ей Марфа. Курица забилась, затихла. Любава бросила нож и отшатнулась, чувствуя, что её сейчас вывернет.

— Ничего, привыкнешь, — усмехнулась Марфа. — Жизнь всему научит.

С этого дня началась её жизнь служанкой. Она вставала затемно, доила козу (этому пришлось учиться три дня, и каждый раз коза пинала её так, что синяки не сходили с ног), носила воду из колодца, таскала дрова, топила печь, месила тесто, стирала в ледяной речной воде, выгребала золу, мыла полы. Руки её загрубели, покрылись цыпками и мозолями. Ногти сломались. Спина ныла так, что по ночам она не могла уснуть. Но самое страшное было не это.

Самое страшное было — взгляды. Когда она выходила на улицу в чужом, перешитом из старья Марфы сарафане и уродливом платке, люди всё равно узнавали ту самую «чудную», что пришла невеста откуда. Бабы у колодца умолкали при её приближении, а потом шептались за спиной, и слова их были липкими, как грязь.

— Говорят, она из самого ада выпала...

— А глазищи-то зелёные! Ведьма!

— Можя, и ведьма. Ты поглядь, как она воду таскает — ни пота, ни устали...

Любава слушала и молчала. Спорить — значит, навлечь на себя ещё больше бед. Её единственной защитой было притворство: опустить глаза, сгорбиться, стать незаметной. Но как стать незаметной с такими глазами?

Алексей заходил почти каждый вечер. Он появлялся, когда уже смеркалось, — видно, было, что после работы, усталый, но всегда аккуратный, с чистыми руками и свежим воротником. Снимал картуз у порога, неловко топтался, не зная, куда деть крупные ладони. Приносил гостинцы: то кусок сахара, то баранку, то пучок редьки. Садился на край лавки, спрашивал, как дела, не обижает ли кто. Любава благодарила, но старалась не смотреть ему в глаза. Ей было стыдно. Стыдно за своё положение, за свои руки в мозолях, за разбитые колени. А ещё — за то чувство, которое возникало в груди, когда он улыбался ей. Тёплое, тревожное, незнакомое.

Он улыбался нечасто, но всегда искренне. И в эти минуты лицо его, обычно серьёзное и чуть настороженное, освещалось изнутри каким-то мягким, почти детским светом. Морщинки в уголках глаз собирались лучиками, а ямочка на левой щеке делала его совсем юным. Любава ловила себя на том, что ждёт этих улыбок, ждёт его прихода, ждёт звука его шагов за окном.

— Вы, барышня, не отчаивайтесь, — говорил Алексей, крутя в руках картуз. — Память вернётся — уедете к своим. А пока... — он запинаясь, краснел. — Ежели что надобно, вы скажите. Я завсегда помочь готов.

— Спасибо, Алексей, — отвечала она тихо.

— Да что ж всё «спасибо» да «спасибо»... — он махал рукой. — Вы лучше скажите, как вас зовут. А то всё «барышня» да «барышня».

— Любава.

— Любава... — повторял он, и у него будто слаще во рту становилось. Он смаковал это имя, как дорогое вино, и глаза его теплели. — Красиво. По-нашему, по-славянски.

Однажды, в конце третьей недели её жизни у Марфы, случилось происшествие, которое едва не стоило ей рассудка.

Она возвращалась с реки, неся корзину с выстиранным бельём. Дорога шла через берёзовую рощу, уже облетевшую, прозрачную. Солнце садилось, и длинные тени ложились на землю, похожие на растопыренные пальцы. Любава шла быстро, стараясь не оглядываться. Ей всё время казалось, что за ней кто-то наблюдает.

И вдруг из-за деревьев вышли трое. Мужики, здоровые, в тулупах нараспашку. От них разило перегаром и табачищем. Любава остановилась, сердце ухнуло вниз.

— Ну-ка, стой, красавица, — проговорил один, с рыжей бородой и наглыми, пьяными глазами. — Куда путь держишь?

— Пропустите, — сказала Любава, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Ишь, гордая какая! — загоготал второй. — А глазища-то зелёные! Ведьма, точно тебе говорю!

Они окружили её. Любава попятилась, прижимая корзину к груди. Рыжий схватил её за руку, дыхнул в лицо смрадом.

— Не бойся, мы не звери. Пойдём с нами, погреемся.

Любава рванулась, но хватка была железной. Она закричала — отчаянно, пронзительно, так, что вороны сорвались с веток. В следующую секунду из-за поворота вылетел Алексей. Он был верхом на лошади, взмыленный, без картуза. Увидев Любаву в окружении мужиков, он спрыгнул на землю и бросился к ним.

— А ну, прочь! — рявкнул он, выхватывая из-за пояса нож. — Отойди от неё!

Мужики обернулись. Рыжий выпустил Любаву и сплюнул.

— Чего разоряешься, посыльный? Иди своей дорогой. Мы с бабой забавляемся.

— Я тебе сейчас позабавляюсь, — процедил Алексей, подходя ближе.

Он больше не был тем застенчивым парнем, что краснел под её взглядом. Перед ней стоял мужчина, в котором проснулась опасная, звериная ярость. Глаза его сузились, побелели, нож в руке держался крепко, по-хозяйски. Мужики, видно, почуяли, что этот не отступит, что за этой яростью — готовность идти до конца. Они переглянулись, что-то буркнули и, огрызаясь, убрались восвояси, скрылись в сумерках. Алексей повернулся к Любаве. Лицо его было бледным, губы дрожали, а в глазах стоял страх — страх не за себя, а за неё.

— Вы целы? Они вас не тронули?

— Нет, — прошептала она, чувствуя, как ноги подкашиваются.

Он подхватил её, не дал упасть. От него пахло лошадью, сеном и чем-то ещё, терпким, мужским. Любава уткнулась лбом в его плечо и разрыдалась. Впервые за всё время — навзрыд, не стесняясь.

— Тише, тише, — гладил он её по спине. — Всё хорошо. Никто вас больше не тронет. Я не позволю.

Он довёл её до дома, отдал Марфе, а сам остался во дворе. Любава слышала, как он до темноты ходил под окнами, сторожа её сон.

После того случая Алексей стал ей ближе. Она перестала бояться его взглядов, перестала отводить глаза. Он по-прежнему приходил каждый вечер, и они подолгу разговаривали. Он рассказывал о городе, о людях, о том, как живут в этой губернии. Он был сыном почтмейстера, рано осиротел и сам пробивал себе дорогу. Любава, в свою очередь, осторожно делилась обрывками воспоминаний о своей «прежней» жизни, стараясь не сболтнуть лишнего. Но Алексей, кажется, и не пытался разобраться в её странностях. Он просто был рядом. И от этого становилось чуть легче.

— Барышня Любава, — сказал он однажды, когда они сидели на крыльце под редкими звёздами. — Вы не подумайте, чего дурного, но... я бы хотел за вас замуж посвататься.

Любава замерла. Она ожидала чего угодно, но не этого. Её сердце застучало где-то в ушах.

— Алексей, я... — начала она, но он перебил:

— Знаю, что я вам не ровня. Вы барышня, может, благородных кровей. А я — посыльный. Но у меня есть сбережения. Я дом могу купить, мастерскую открыть. Я вас любить буду так, как никто не сможет.

Он смотрел на неё с такой надеждой, с такой мольбой, что у Любавы защемило в груди. Она была благодарна ему за всё: за спасение, за доброту, за то, что он единственный не считал её ведьмой или полоумной. Но любила ли она его? Нет. Она не знала, что такое любовь здесь, в этом чужом мире, где она сама была чужой.

— Я не могу, — тихо ответила она. — Простите.

Алексей опустил голову. Молчание повисло между ними, тяжёлое, как камень.

— Я понимаю, — сказал он наконец, не поднимая глаз. — Но я подожду. Время ещё есть.

Он ушёл, а Любава осталась сидеть на крыльце, глядя в холодное, равнодушное небо. Ей было тошно от самой себя. Но сказать «да» человеку, которого не любишь, — это предательство. Предательство по отношению к нему и к себе.

Прошло ещё две недели. Выпал первый снег, лёг на чёрные крыши, на грязные улицы, прикрыв убожество города белым саваном. Любава всё так же работала, стирала, таскала воду. Но в ней что-то надломилось. Она уже не верила, что вернётся домой. Этот мир, грубый, жестокий, но в то же время по-своему настоящий, затягивал её, как тряпина.

И вот однажды, в середине ноября, когда она сидела в доме Марфы и штопала чужие чулки, в дверь постучали. Стук был громким, требовательным. Марфа отворила и тут же отшатнулась.

На пороге стояла высокая, сухая женщина в чёрном дорожном платье и собольей шляпке. Её лицо, надменное и строгое, с острым носом и тонкими поджатыми губами, выражало брезгливое превосходство. За её спиной стояли двое слуг в одинаковых серых кафтанах с гербами.

— Мне нужна девица, что у вас проживает, — произнесла женщина ледяным, скрипучим голосом. — По имени Любава. Проводите меня к ней.

Марфа от страха не могла вымолвить ни слова, только кивнула и попятилась в дом. Любава встала, отложив шитьё. Её охватило дурное предчувствие.

Женщина вошла и, не обращая внимания на убогое убранство, устремила на Любаву пронзительный взгляд тёмных, колючих глаз.

— Ты — Любава Вознесенская? — спросила она.

— Я — Любава, — осторожно ответила девушка. — Но фамилии не знаю. Память потеряла.

— Память, — усмехнулась женщина. — Что ж, бывает. Но фамилию твою я знаю. Ты — внучатая племянница покойного графа Петра Алексеевича Вознесенского, владельца усадьбы «Отрадное» и десяти тысяч десятин земли. Единственная наследница.

Любава почувствовала, как пол уходит у неё из-под ног.

— Вы ошибаетесь, — прошептала она. — Я не графиня. Я простая служанка.

— Ты — не простая служанка, — отрезала женщина. — Ты — Вознесенская. И ты поедешь со мной. Таково распоряжение покойного графа. Он велел разыскать тебя и доставить в усадьбу.

— Но почему я должна вам верить?

Женщина сделала шаг вперёд и вынула из-за обшлага бумагу, свёрнутую в трубку.

— Вот копия завещания, — сказала она. — Читай, ежели разумеешь.

Любава взяла бумагу дрожащими руками. Текст был написан старинной вязью, но она разобрала главное: «...внучатой племяннице моей, Любаве Вознесенской, завещаю всё моё

движимое и недвижимое имущество, усадьбу „Отрадное“ и капиталы... Однако ж при условии...»

Последние слова расплывались перед глазами. При условии? Каком условии?

— «При условии, что к двадцати пяти годам девица вступит в законный брак, — прочитала вслух женщина, — и передаст своё состояние мужу. В противном случае всё отходит дальней родне...» Вот твоя судьба, милочка. Ты — невеста под залог.

Любава подняла глаза. В них стояли слёзы, но она сдержалась. Она не покажет этой ледяной женщине своей слабости.

— Куда мы едем? — спросила она.

— В усадьбу «Отрадное», — ответила женщина. — Я Устинья Прокофьевна, управляющая имением. И с этой минуты ты, Любава Вознесенская, находишься под моей опекой. Собирайся. Путь неблизкий.

Любава обернулась на Марфу, которая стояла в углу, прижав руки ко рту. Старуха была блее мела.

— Прощайте, тётушка Марфа, — тихо сказала Любава. — Спасибо за кров.

Она взяла узелок, в котором лежали её старые, чудные одежды, и вышла за порог. Карета, чёрная, с золочёными вензелями, ждала её. Устинья Прокофьевна села напротив, захлопнула дверцу, и карета, качнувшись, покатила по заснеженной дороге в неизвестность.

Любава смотрела в окно на проплывающие мимо леса и поля, на белые, укрытые снегом просторы, и думала о том, что её жизнь снова перевернулась. Теперь она — невеста под залог. Игрушка в чьих-то руках. Но кто эти люди? Чего они хотят? И главное — кто был тот граф, чьё завещание так жестоко связало её судьбу?

Ответы ждали впереди. Но Любава уже чувствовала: лёгкого пути не будет. Впереди — борьба. За себя, за своё право, за своё сердце.

Конец первой главы.

Глава 2. Медовый яд

Карета, вздрогнув на ухабе, покатила по мощёной дороге. Любава сидела, вжавшись в угол, и сквозь запотевшее стекло разглядывала чужой мир. За окном проплывали заснеженные поля, перелески, тёмные остовы крестьянских изб. Всё было будто присыпано пеплом: и небо, и земля, и сама жизнь. Свет угасал, сумерки сгущались, и мир становился всё более враждебным.

Устинья Прокофьевна сидела напротив, прямая, как палка, и не сводила с Любавы цепкого взгляда. За всю дорогу она не проронила ни слова, если не считать короткого приказа кучеру. Молчание её было тяжёлым, давящим, как камень, положенный на грудь. Любава пыталась собраться с мыслями, но в голове царил сумбур. Служанка, наследница, невеста под залог... Слишком много для одной жизни.

Когда за окном, на фоне тёмно-синего неба, выросла высокая ограда, увенчанная заснеженными пиками, Устинья Прокофьевна пошевелилась.

— Приехали, — сказала она, и голос её был сух, как шорох пергамента.

Ворота, кованные, с золочёными вензелями, распахнулись, и карета, проехав по аллее, обсаженной столетними липами, остановилась у главного подъезда. Любава выглянула. Дом был огромен. Трёхэтажный, каменный, с высокими стрельчатыми окнами и портиком, поддерживаемым белыми колоннами. Он не был похож на мрачный замок, скорее на дворец, каких Любава не видела и в московских музеях. Свет, лившийся из окон, расплывался в морозном воздухе жёлтыми пятнами, и от этого дом казался необитаемым, таящим в себе что-то недоброе.

Дверь отворилась. Любава, подхватив узелок, вышла из кареты. Морозный воздух обжёг щёки. Пахло снегом, хвоей и дымом из печных труб. Она запрокинула голову, разглядывая фасад, и поёжилась: слишком велик, слишком роскошен, слишком чужой.

— Ступай за мной, — бросила Устинья Прокофьевна и, не оборачиваясь, зашагала к крыльцу.

Внутри пахло воском, старой кожей и чем-то сладковатым — не то сушёными яблоками, не то духами. Полы были мраморные, блестящие, как лёд. На стенах, оклеенных шёлком, висели портреты в тяжёлых золотых рамах — суровые бородатые мужчины и бледные дамы в кружевах. С потолка, расписанного облаками и амурами, свисала огромная хрустальная люстра. Свечи не горели, но где-то в глубине дома слышались шаги и негромкие голоса.

Любава шла за Устиньей Прокофьевной, чувствуя, как сердце колотится в груди. Ей хотелось сжаться, стать меньше, невидимее. Каждый шаг отдавался в ушах гулким эхом.

Они вошли в большую залу. У камина, отделанного белым мрамором, стояла женщина. Заслышав шаги, она обернулась, и на её лице расцвела улыбка — такая тёплая, такая радостная, что у Любавы на мгновение отлегло от сердца.

— Господи, неужели! — воскликнула женщина, всплеснув руками. — Неужели свершилось! Вы её нашли!

Она стремительно двинулась навстречу, и Любава успела разглядеть её: невысокая, ладная, с пышной грудью и тонкой талией, затянутой в корсет. Одета она была в элегантное платье изумрудного бархата с кружевными манжетами. На шее — нитка жемчуга, на пальцах — кольца с крупными камнями. Лицо её, обрамлённое тёмно-каштановыми локонами, было миловидным, но не юным: ей можно было дать лет тридцать пять, не больше. Однако глаза — тёмные, блестящие, как маслины, — смотрели так цепко, так оценивающе, что всё очарование мгновенно улетучивалось, сменяясь смутной тревогой.

— Любава! — выдохнула женщина и заключила её в объятия. — Наконец-то! Сколько лет мы тебя искали!

Она прижала Любаву к себе. От неё пахло фиалками и пудрой. Объятия были крепкими, но какими-то судорожными, точно женщина боялась, что добыча вырвется.

— Простите, — пробормотала Любава, высвобождаясь. — Я... я не помню. Кто вы?

Женщина отстранилась, но улыбка её не погасла. Лишь на миг в глазах мелькнуло что-то, похожее на досаду, но тут же исчезло.

— Ах, ну да, ну да, — залепетала она, качая головой. — Устинья Прокофьевна писала, что у тебя беда с памятью. Бедная моя девочка! Сколько же тебе пришлось выстрадать!

Она взяла Любаву за руку. Пальцы у неё были холодные, несмотря на тепло залы.

— Я — Анна Сергеевна Залесская, — произнесла она, заглядывая Любаве в глаза с участием. — Твоя кузина. Двоюродная. По линии графа. Мы с тобой, можно сказать, единственные близкие родственницы на этом свете.

— Кузина? — растерянно повторила Любава.

— Да, голубушка. Слава Богу, что ты нашлась. Знаешь, сколько слёз я пролила, сколько молитв вознесла? И вот ты здесь, цела и невредима! Это просто чудо!

Анна Сергеевна перекрестилась, подняв глаза к расписному потолку. Любава наблюдала за ней с недоверием. Слишком уж всё это было похоже на сцену из дурной пьесы. Но вслух она, разумеется, ничего не сказала. Её положение было слишком шатким, чтобы с первых минут наживать врагов.

— Пойдём, я покажу тебе дом, — продолжала Анна Сергеевна, беря её под локоть. — Ты, наверное, устала с дороги, проголодалась. Я велю накрыть ужин. Ах, как я рада! Просто слов нет!

Она повела Любаву по анфиладе комнат. Каждую она сопровождала комментариями, полными восторга и мнимой заботы.

— Это малая гостиная. Здесь покойный граф любил принимать гостей. А это библиотека — обрати внимание, какие редкие издания! А здесь — бальный зал. Представь, какие мы устроим приёмы, когда ты официально вступишь в права!

Любава шла, оглушённая количеством золота, хрусталя и парчи. Всё это великолепие давило на неё, вызывало не восхищение, а тревогу. Ей хотелось спросить: а где же чердак для служанки? Но она молчала.

Анна Сергеевна болтала без умолку. Её голос, высокий, сладкий, с приторными интонациями, лился непрерывным потоком. Она то пожимала Любаве руку, то поправляла прядь её волос, то вздыхала, закатывая глаза. Всё в ней было чрезмерно: и улыбки, и жесты, и слова.

— Ты, наверное, голодная, бедняжка, — щебетала она. — Взгляни, какие у тебя руки! Загубели, как у прачки. Мы это исправим. Я приглашу лучших врачей, лучших мастериц. Ты будешь сиять, как прежде.

Любава поймала себя на том, что не верит ни единому слову. Нет, не то чтобы Анна Сергеевна была явно фальшива. Напротив, играла она мастерски. Но что-то в её глазах, в этой цепкой, оценивающей настороженности, выдавало её. Она смотрела на Любаву не как на родственницу, а как на конкурентку. Или как на препятствие.

— А где я буду жить? — спросила Любава, останавливаясь.

Анна Сергеевна тоже остановилась, нахмутив брови с наигранной озабоченностью.

— Ну, разумеется, в лучших покоях! Ты же наследница! Я уже велела приготовить для тебя комнату, ту, что окнами на сад. Там так чудесно по утрам поют птицы!

Она снова заулыбалась, но Любава заметила, как дёрнулся уголок её рта.

— А вы... — Любава замаялась. — Вы тоже живёте здесь?

— О, нет, — Анна Сергеевна рассмеялась, прикрыв рот ладонью. — Я приехала из своего имения, как только узнала, что тебя нашли. Хотела первой тебя встретить. Теперь я твоя тень, твоя опора. Ты можешь рассчитывать на меня во всём.

Она сжала локоть Любавы. Слишком сильно.

Вечером, за ужином, Анна Сергеевна разливала чай и говорила о покойном графе. Любава слушала, но почти не запоминала. Ей было душно в этой комнате, среди этих людей, в этой чужой жизни.

— Пётр Алексеевич был человеком сложным, — вздыхала Анна Сергеевна. — Но тебя он любил. Очень. Всегда спрашивал: «Где моя Любавушка?». А когда получил весть, что ты пропала, слёг. Так и не поднялся.

Любава подняла глаза.

— Пропала? Что вы имеете в виду?

Анна Сергеевна осеклась, на секунду растеряв свою улыбку.

— Ну... это долгая история, — уклончиво сказала она. — Тебе сейчас не нужно об этом думать. Главное — ты здесь, и всё будет хорошо.

Она потянулась через стол и погладила Любаву по щеке. Рука её была ледяной.

Ночью, лёжа на огромной кровати под балдахином, Любава не могла уснуть. Всё тело ныло от усталости, но разум оставался настороже. Она ворочалась, прислушиваясь к шорохам старого дома. Где-то за стеной скрипела половица. Ветер за окном завывал, как живой.

Она вспоминала лицо Анны Сергеевны, её улыбки, её слова. Всё было будто облитое мёдом, но под мёдом угадывался яд. Любава не знала, откуда взялось это чувство — может, интуиция? Но оно было сильным, почти осязаемым. Ей казалось, что в этом доме за ней уже начали охоту.

Неожиданно ей вспомнился Алексей. Его простая рубашка, тёплые руки, смущённая улыбка. Он был настоящим. Единственным настоящим в этом мире позолоты и фальши. И ей вдруг стало так тоскливо, так горько, что слёзы сами потекли по щекам. Она уткнулась лицом в подушку и заплакала — тихо, чтобы никто не услышал.

А за дверью, в тёмном коридоре, стояла Анна Сергеевна и слушала. На её губах играла улыбка, но глаза оставались холодными. Она была довольна. Первый шаг сделан. Девочка слаба, растеряна, одинока. Это хорошо.

Очень хорошо.

Конец второй главы.

Глава 3. Чужие стены

Утро встретило Любаву серым, бессолнечным светом, сочившимся сквозь плотные шторы. Несколько секунд она лежала, глядя в высокий, расписанный цветами потолок, и не могла понять, где находится. Потом память вернулась, ударила под дых, и она села, обхватив колени руками.

Комната была огромной, но какой-то холодной, несмотря на тёплые пуховые одеяла и горящий камин. Высокие окна выходили в сад, где голые ветви деревьев чернели на фоне белого снега. Мебель красного дерева, обитая штофом, блестела в полутьме. На стенах — портреты всё тех же бородатых мужчин и бледных дам. Любаве казалось, что они смотрят на неё с укором: кто ты такая, чтобы занимать эти покои?

Она встала, подошла к зеркалу в тяжёлой раме. Из зеркала на неё смотрела незнакомка: исхудавшее лицо, тёмные круги под глазами, спутанные волосы. Она всё ещё была одета в грубое платье, которое дала ей Марфа, — серое, застиранное, с чужого плеча. В этом наряде она выглядела воровкой, случайно забравшейся в графские покои.

В дверь постучали.

— Войдите, — тихо сказала Любава.

На пороге появилась горничная — молоденькая девушка с льняными волосами, затянутая в чёрное платье с белым передником. Она поклонилась и, глядя в пол, произнесла:

— Барышня, Анна Сергеевна просит вас к завтраку. И велела передать, что портниха уже прибыла.

— Портниха? — переспросила Любава.

— Да-с. Для вас. Извольте пройти в малую гостиную, там вас ожидают.

Горничная говорила почтительно, но Любава уловила в её голосе едва заметную иронию, а во взгляде, брошенном исподтишка, — любопытство. Ещё бы: весь дом, небось, судачит о странной девице, которую нашли неизвестно где.

Любава спустилась в малую гостиную. Там уже хлопотала Анна Сергеевна, разливала чай, улыбалась так широко, что, казалось, ещё немного — и лицо треснет.

— Доброе утро, душа моя! — проворковала она, поднимаясь навстречу. — Как спалось на новом месте? Надеюсь, тебе было удобно.

— Благодарю, — сдержанно ответила Любава, садясь к столу.

Завтрак был обильным: свежие булочки, мёд, сливки, запечённая рыба, яйца. Любава ела молча, чувствуя, как кусок не лезет в горло. Анна Сергеевна без умолку щебетала о погоде, о скором Рождестве, о том, какие чудесные платья закажет для неё у портнихи.

— Ты должна блистать, — говорила она, накладывая Любаве на тарелку очередной кусок. — Ведь скоро к нам съедутся гости. Весь уезд захочет взглянуть на новую графиню.

Любава подняла глаза.

— Графиню? — переспросила она. — Но я ещё не вступила в права. И завешание...

Анна Сергеевна отмахнулась, как от назойливой мухи.

— Ах, это всё формальности! Главное — ты здесь. А остальное приложится. Не тревожься, я всё устрою.

Её улыбка не померкла, но Любава заметила, как пальцы Анны Сергеевны сжали чашку чуть сильнее, чем следовало.

После завтрака портниха, пожилая женщина с остроносым лицом и вечной булавкой во рту, принялась снимать мерки. Любава стояла посреди комнаты, раскинув руки, и чувствовала себя манекеном. Ткани приносили целыми рулонами: шёлк, бархат, кашемир. Анна Сергеевна выбирала цвета, щупала материю, оживлённо советовалась с портнихой.

— Вот этот изумрудный подойдёт к её глазам, — говорила она, прикладывая к лицу Любавы кусок ткани. — А этот, с золотой нитью, — для вечерних приёмов.

— Я не привыкла к таким нарядам, — тихо произнесла Любава.

— Привыкнешь, — беззаботно ответила Анна Сергеевна. — Благородное происхождение не спрячешь. Сразу видно, что в тебе течёт кровь Вознесенских.

Она произнесла это с таким восхищением, что Любаве стало не по себе. Слишком много лести. Слишком много сахара.

День тянулся медленно. Любава бродила по дому, пытаясь привыкнуть к его холодной роскоши. Везде было пусто и гулко, как в музее. Слуги, попадавшие на пути, кланялись, но смотрели с любопытством, а то и с явным осуждением. Она слышала, как одна горничная шепнула другой:

— Говорят, её в лесу нашли. Вся в лохмотьях. А теперь в шелка рядят.

Любава сделала вид, что не расслышала. Она прошла в библиотеку и закрыла за собой дверь. Здесь было тихо и пахло пылью. Она села в кресло у окна и, обхватив себя руками, уставилась на заснеженный сад.

Вспомнился Алексей. Его добрые глаза, тёплые слова. Что он сейчас делает? Думает ли о ней? Или уже забыл, встретив другую? От этой мысли стало горько.

Вечером, когда Любава спускалась к ужину, её остановила Устинья Прокофьевна. Она возникла из тёмного угла коридора, как тень, и бесшумно приблизилась.

— Добрый вечер, Любава Петровна, — произнесла она без улыбки.

— Добрый, — настороженно ответила девушка.

— Позвольте дать вам один совет? — Устинья Прокофьевна говорила тихо, но весомо. — Не доверяйтесь никому в этом доме. Даже тем, кто улыбается вам чаще прочих.

Любава замерла. Она ожидала от управляющей чего угодно, но не этого.

— Почему вы мне это говорите? — спросила она.

Устинья Прокофьевна поджала губы.

— Потому что я знаю цену этим улыбкам. И потому, что мне невыгодно, чтобы вы пропали раньше времени.

Она развернулась и ушла, не прощаясь. Любава осталась стоять, ошеломлённая. Что это было — предупреждение? Угроза? Или часть какой-то сложной игры?

За ужином Анна Сергеевна была особенно оживлена. Она рассказывала о соседях, о балах, о том, что на следующей неделе в усадьбу придут «достойные молодые люди».

— Я уже разослала приглашения, — говорила она, сияя. — Тебе, моя милая, пора начинать присматриваться. Жених — это твой главный козырь. С удачным браком ты получишь всё: и имя, и положение, и защиту.

— Но я не хочу замуж, — вырвалось у Любавы.

Анна Сергеевна рассмеялась, прикрыв рот ладонью.

— Ах, все девушки так говорят! А потом влюбляются и бегут под венец раньше времени. Ты просто ещё не видела достойных кавалеров. Я тебя представлю. И, поверь, твоё сердце дрогнет.

Любава опустила глаза. Ей казалось, что её загоняют в ловушку, и ловушка эта с каждым днём сужается.

Ночью она не могла уснуть. Встала, накинула шаль и подошла к окну. Внизу, на заснеженной дороге, ведущей к воротам, мелькнула тень. Любава пригляделась. Это был человек — мужчина в тёмном тулупе. Он стоял у ограды и смотрел на дом.

Сердце Любавы ёкнуло. Ей показалось, что это Алексей. Но нет, слишком далеко, не разобрать. Она стояла у окна, пока тень не скрылась за деревьями.

А на следующее утро в доме поднялась суета: приехали первые гости. И среди них — тот, кто с первого взгляда внушил Любаве леденящий ужас.

Конец третьей главы.

Глава 4. Гость из тени

Утро началось с суеты. По всему дому носились слуги, начищали серебро, проветривали комнаты, таскали из погреба припасы. Анна Сергеевна, облачённая в утренний капот из бледно-розового шёлка, носилась из кухни в гостиные, раздавала приказы, звенела ключами и умудрялась при этом не переставать улыбаться.

— Сегодня к обеду пожелают Загорские! — объявила она, влетев в комнату Любавы, где та сидела перед зеркалом, пока горничная расчёсывала её длинные тёмные волосы. — Это очень важные люди. Граф Загорский — бывший губернский предводитель дворянства. Его жена — урождённая княжна. И, говорят, они привезут с собой племянника.

Любава взглянула на неё в зеркало.

— Племянника? — переспросила она.

— Да, душа моя. Молодого человека, — Анна Сергеевна подошла ближе, положила руки ей на плечи, наклонилась к самому уху и прошептала, как сообщница: — Очень, очень достойная партия. Красив, богат, знатен. Правда... — она выпрямилась, и улыбка её стала почти заговорщицкой, — о нём говорят разное. Но кто из мужчин без греха? Главное — состояние и имя.

Любава почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она ещё не видела этого человека, но уже боялась.

— Я не хочу, чтобы меня сватали, как вещь, — тихо сказала она.

Анна Сергеевна всплеснула руками.

— Ах, что ты такое говоришь! Никто тебя не сватает, как вещь. Просто будь приветлива, улыбайся. Ты же не хочешь нажить врагов среди соседей? А они будут, если ты станешь дичиться.

Она погладила Любаву по голове, поправила прядь волос. Прикосновение было нежным, но Любава снова ощутила этот ледяной холод её пальцев.

К полудню Любаву облачили в одно из новых платьев, которые успела сшить портниха. Оно было из тёмно-синего бархата с серебряной вышивкой по лифу и длинными, расширяющимися к запястью рукавами. Юбка, тяжёлая, многослойная, шуршала при каждом шаге. На шею ей повесили тонкую нитку жемчуга, найденную в шкатулке покойной графини. Волосы уложили в высокую причёску, украсили серебряным гребнем.

Любава взглянула на себя в зеркало и не узнала. Из отражения на неё смотрела незнакомка: измождённая служанка исчезла, уступив место бледной, но поразительно красивой девушке с огромными зелёными глазами и тонкими чертами лица. Она была хороша, но глаза её, полные тревоги, портили всё впечатление.

— Ты просто ослепительна, — прошептала Анна Сергеевна, стоя за её спиной. В её голосе было восхищение, но Любава уловила в нём и что-то ещё. Зависть? Досаду?

Гости прибыли в третьем часу. Любава встретила их в парадной гостиной, стоя рядом с Анной Сергеевной, как было велено. Она чувствовала себя экспонатом на выставке: каждый из приехавших оглядывал её с нескрываемым любопытством, как диковинную зверушку.

Граф Загорский оказался грузным, седым человеком с багровым лицом и тяжёлой поступью. Его жена, маленькая, сухая, с поджатыми губами и цепким взглядом, сразу не понравилась Любаве. Она оглядела девушку с ног до головы, задержавшись на её лице, и едва заметно скривилась.

— Так вот она, наследница-то, — произнесла графиня скрипучим голосом. — А мы уж не чаяли вас увидеть. Ходили слухи, что вы пропали без вести.

— Я и впрямь пропала, — спокойно ответила Любава, выдержав её взгляд. — Но, как видите, нашлась.

Графиня поджала губы ещё сильнее. Граф же, напротив, добродушно рассмеялся.

— Ну и славно! — прогудел он. — Пётр Алексеевич был бы рад. А это, — он обернулся и махнул рукой, — наш племянник, Арсений Дмитриевич Верейский.

Любава перевела взгляд. В дверях гостиной стоял мужчина. Он был высок, строен, одет в чёрный сюртук, сидевший на нём как влитой. Тёмные, почти чёрные волосы, гладко зачёсанные назад, открывали высокий лоб. Черты лица его были резкими, чеканными: прямой нос, твёрдые скулы, тонкие губы, сложенные в лёгкую полуулыбку. Но главное — глаза. Тёмные, глубокие, они смотрели на Любаву с таким откровенным, оценивающим интересом, что ей захотелось отступить, спрятаться.

Арсений Дмитриевич шагнул вперёд и поклонился, не сводя с неё взгляда.

— Рад знакомству, Любава Петровна, — произнёс он. Голос его был низким, вкрадчивым, с лёгкой хрипотцой. — Много слышал о вас.

— Что же именно? — спросила Любава, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Что вы — самая загадочная девушка губернии, — ответил он, и его губы изогнулись в усмешке. — Появились из ниоткуда, как видение. И, говорят, так же прекрасны, как таинственны.

Любава не нашлась, что ответить. Она чувствовала, как щёки заливают румянец. Этот человек смущал её, выбивал из равновесия. В его словах была насмешка, но под ней угадывался живой, опасный интерес.

Анна Сергеевна пришла на выручку.

— Арсений Дмитриевич! — проворковала она, подходя и протягивая руку для поцелуя. — Какая честь! Любава у нас ещё не привыкла к обществу. Она дикарка, но прелестная, не правда ли?

Верейский склонился над рукой Анны Сергеевны, но глаза его по-прежнему были обращены к Любаве.

— Прелестная, — согласился он, выпрямляясь. — Именно та, кого я искал.

Эта фраза прозвучала двусмысленно. Любава почувствовала, как сердце забилося быстрее. Она не могла понять, что он имеет в виду, но ей стало не по себе.

Обед прошёл мучительно. Любава сидела напротив Верейского и чувствовала на себе его взгляд. Он не смотрел на неё в упор, но она кожей ощущала его присутствие, как ощущают близость хищника. Разговоры шли о хозяйстве, о погоде, о предстоящих балах. Графиня Загорская цедила слова, бросая на Любаву колкие, пренебрежительные взгляды. Граф добродушно балагурил. Анна Сергеевна щебетала, разливая вино. А Верейский молчал, лишь изредка вставляя короткие, точные замечания.

Когда подали десерт, он наконец обратился к Любаве:

— Вы, говорят, жили в Москве? — спросил он небрежно, но глаза его при этом стали ещё внимательнее.

— Да, — ответила она, не вдаваясь в подробности.

— Странно. Я часто бываю в Москве, но ни разу не слышал о семействе Вознесенских. А ведь, кажется, фамилия известная.

Любава замешкалась. Она не знала, что отвечать. К счастью, Анна Сергеевна снова пришла на помощь.

— Ах, Любава была так мала, когда её увезли! — воскликнула она. — Она почти ничего не помнит о прежней жизни. Это такая трагедия!

— Да, я слышал, — медленно произнёс Верейский, не сводя глаз с Любавы. — Память потеряна. Очень удобно.

В его голосе прозвучал сарказм. Любава почувствовала, как внутри закипает гнев. Она подняла на него глаза и столкнулась с его взглядом, в котором плясали искры любопытства и сомнения.

— Удобно — для кого? — спросила она, не отводя глаз.

Он улыбнулся, и улыбка его была холодной, как лезвие ножа.

— Для той, кто хочет начать жизнь заново.

Повисла пауза. Любава поняла, что он ей не верит. И, возможно, он был опаснее, чем она думала.

После обеда гости перешли в гостиную. Любава стояла у окна, разглядывая сад, когда к ней подошла графиня Загорская.

— Вы, сударыня, должно быть, чувствуете себя неловко, — произнесла она, не понижая голоса. — Внезапно оказаться в таком положении, без памяти, без связей... Это тяжело.

Любава обернулась. Графиня смотрела на неё с плохо скрытой враждебностью.

— Я справлюсь, — ответила Любава.

— Справитесь? — графиня усмехнулась. — Не сомневаюсь. Такие, как вы, всегда справляются. Но помните: этот дом, это имя — не игрушка. И тем, кто пытается воспользоваться ими незаконно, рано или поздно приходится отвечать.

Любава побледнела. Она открыла рот, чтобы возразить, но в этот момент к ним подошёл Верейский.

— Тётушка, вы утомляете нашу гостью, — произнёс он мягко, но в его голосе был металл. — Ей и так нелегко.

Графиня поджала губы и, бросив на Любаву уничтожающий взгляд, отошла.

Любава осталась вдвоём с Верейским. Он стоял слишком близко, и от него пахло табаком и дорогим одеколоном.

— Не обращайтесь на неё внимания, — тихо сказал он. — Она просто боится.

— Чего? — спросила Любава, не поднимая глаз.

— Того, что вы действительно наследница. И тогда её сыну не видать приданого, на которое она рассчитывала.

Любава вздрогнула и подняла на него глаза. Он смотрел на неё с лёгкой, почти незаметной улыбкой.

— Откуда вы знаете? — прошептала она.

— Я много чего знаю, — ответил он. — И многое могу. Если вы позволите, я стану вашим союзником.

— Почему я должна вам верить?

Он наклонился ближе.

— Потому что я тоже не люблю, когда кого-то делают игрушкой в чужих руках.

Он выпрямился и, поклонившись, отошёл. Любава осталась стоять, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Этот человек пугал её, но в то же время в его словах было что-то, что заставляло задуматься. Может быть, он не так прост? Или, наоборот, играет свою, ещё более опасную игру?

Вечером, когда гости уехали, Любава вышла на крыльцо. Морозный воздух обжёг щёки. Снег скрипел под ногами. Вдалеке, за деревьями, мелькнула чья-то тень. Любава замерла, вглядываясь в темноту.

— Кто здесь? — тихо позвала она.

Тень не ответила. Через мгновение она исчезла за поворотом.

А на перилах крыльца, на свежем снегу, Любава увидела след. Совсем свежий, ведущий от калитки к дому и обратно. След от мужских сапог.

Сердце её сжалось. Она вспомнила Алексея. Он обещал прийти. Но зачем? И почему прячется?

Или это был кто-то другой? Кто-то, кто наблюдал за ней из темноты?

Любава постояла ещё немного, вглядываясь в снежную мглу, и вернулась в дом. Ночью ей снились тёмные глаза Верейского и сапоги на снегу.

А утром пришло известие: из губернской канцелярии прибыл чиновник с вопросом о подлинности её документов. И с ним — ещё один человек, назвавшийся поверенным покойного графа.

Конец четвёртой главы.

Глава 5. Бумаги и тени

Утро началось с того, что в коридоре что-то гроыхнуло, разбудив Любаву раньше обычного. Она села на кровати, прислушиваясь. В доме стояла непривычная, напряжённая тишина, будто все разом затаили дыхание. Лишь где-то внизу, в вестибюле, раздавались шаги и приглушённые голоса.

Она поднялась, накинула тёплый халат, что дала ей Анна Сергеевна, и подошла к окну. У крыльца стояла незнакомая карета — добротная, но строгая, без вензелей и золочёных гербов. Возле неё прохаживался кучер, похлопывая себя по бокам, чтобы согреться. Снег искрился в бледных лучах зимнего солнца, и весь дом казался замершим в ожидании.

В дверь постучали.

— Барышня, — раздался голос горничной, — Анна Сергеевна просит вас спуститься. Прибыли господа из губернской канцелярии и поверенный покойного графа.

Любава закрыла глаза. Внутри всё сжалось. Вот оно. Началось.

— Скажите, я сейчас буду, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Одеваясь, она размышляла. Проверка подлинности документов. Что это значит? Её будут допрашивать? Требовать доказательств, которых у неё нет? Или, хуже того, уличать во лжи? Она не знала, чего ждать. Но страх, липкий и мерзкий, уже поселился в груди.

Платье, выбранное на сегодня, было скромнее прежнего: тёмно-серое, с белым воротничком, без лишней вышивки. Волосы Любава заплела в простую косу и не позволила горничной делать сложную причёску. Ей хотелось выглядеть серьёзно, даже сурово, чтобы никто не заподозрил в ней легкомысленную самозванку.

В гостиной, куда она вошла, уже сидели. Анна Сергеевна, облачённая в элегантное платье цвета бордо, расположилась на диване и смотрела на вошедшую с такой тёплой, ободряющей улыбкой, что Любаве стало не по себе. Рядом, в кресле с высокой спинкой, сидел старик. Сухой, прямой, как жердь, с седой клиновидной бородкой и пронзительными глазами, спрятанными за стёклами очков в тонкой железной оправе. Одет он был в старомодный сюртук тёмного сукна, и весь его облик дышал той основательной, чуть ворчливой добропорядочностью, которая свойственна людям, всю жизнь прослужившим в суде или канцелярии.

Рядом с ним, за небольшим столиком, сидел ещё один человек — моложе, лет сорока, с бледным, испитым лицом и жидкими рыжеватыми бакенбардами. Он смотрел на Любаву с откровенным, нездоровым любопытством.

— А вот и наша наследница, — произнесла Анна Сергеевна, поднимаясь. — Любава, позволь тебе представить: Илья Семёнович Прохоров, поверенный покойного графа, его верный друг и хранитель всех бумаг. А это господин Трегубов, чиновник из губернской канцелярии.

Любава сделала лёгкий поклон. Старик поднялся, не спеша, и ответил ей вежливым, но сдержанным поклоном.

— Рад видеть вас, сударыня, — произнёс он. Голос у него был сухой, с лёгким скрипом, но звучал не враждебно. — Должен признаться, я до последнего не верил, что вы найдётесь. Но, слава Богу, ошибался.

— Благодарю, — тихо ответила Любава.

Она села на край стула, чувствуя на себе оценивающий взгляд старика. Он разглядывал её лицо, будто искал в нём знакомые черты.

— Поразительное сходство, — пробормотал он наконец, обращаясь скорее к самому себе. — Особенно глаза. Точно такие же были у вашей матери.

Любава вздрогнула. Матери? Она ничего не знала о своей матери в этом мире.

— Вы знали мою мать? — вывалось у неё.

Старик поднял бровь.

— Знал, сударыня. И отца вашего знал. Хорошие были люди. Царствие им небесное.

Он перекрестился. Любава почувствовала, как к горлу подступает ком. Она не знала этих людей, не помнила их, но слова старика отозвались в ней странной, ноющей болью.

— Илья Семёнович, — вмешалась Анна Сергеевна, — может, приступим? Господа, наверное, устали с дороги. Я распорядилась подать чай и закуски.

— Благодарю, сударыня, — сухо ответил Прохоров, — но прежде я хотел бы поговорить с Любавой Петровной наедине. Таково было последнее распоряжение графа: чтобы я лично удостоверился в её личности и передал ей некоторые документы.

Анна Сергеевна на мгновение замерла. Улыбка её не исчезла, но стала заметно напряжённее.

— Конечно, — пропела она, поднимаясь. — Мы с господином Трегубовым подождём в соседней комнате.

Она взяла чиновника под руку и выплыла из гостиной, бросив на Любаву быстрый, настойчивый взгляд. Дверь за ними закрылась.

Любава осталась наедине с поверенным. Он не спеша раскрыл кожаный портфель, вынул оттуда несколько бумаг, бережно разложил их на столе. Любава молчала, не зная, с чего начать.

— Не бойтесь, — произнёс вдруг Прохоров, не поднимая глаз. — Я не следователь. Я здесь, чтобы помочь.

Она удивлённо посмотрела на него.

— Но разве вы не должны проверить, та ли я, за кого себя выдаю?

Старик усмехнулся.

— Я вижу, что вы — та самая. В вас течёт кровь Вознесенских, это видно невооружённым глазом. Мне не нужны бумаги, чтобы это понять. Но формальности есть формальности.

Он поднял на неё глаза, и в них мелькнуло что-то тёплое, почти отеческое.

— Я обещал Петру Алексеевичу, что позабочусь о вас. И я сдержу слово.

Любава почувствовала, как к глазам подступают слёзы. Она сглотнула и тихо спросила:

— Что будет дальше?

Прохоров поправил очки и взял одну из бумаг.

— Вот завешание. Полный текст. Устинья Прокофьевна зачитала вам лишь выдержку, не так ли?

— Да, — подтвердила Любава. — Условие о замужестве.

— Верно. Но есть и другие пункты. Например, о том, что до вступления в брак вы обязаны проживать в усадьбе «Отрадное» и не имеете права покидать губернию без письменного разрешения опекунского совета.

Любава нахмурилась.

— То есть я фактически пленница?

Прохоров развёл руками.

— Такова воля графа. Он боялся, что вы снова исчезнете. И, признаться, у него были на то основания.

— Какие?

Старик помолчал, потом снял очки и потёр переносицу.

— Вас похитили, сударыня. Когда вам было семь лет. Прямо из этой усадьбы. И двадцать лет о вас не было ни слуху ни духу. Граф искал вас, нанимал лучших сыщиков, но безуспешно. И вот — вы нашлись. Чудом.

Любава слушала, затаив дыхание. Выходит, в этом мире у неё была другая жизнь. Или, возможно, та, прежняя, в Москве, была всего лишь сном? Или параллельным существованием? Она не знала, что думать.

— Кто меня похитил? — спросила она.

— Это так и не выяснили, — ответил Прохоров. — Подозревали многих. В том числе и ближайшее окружение графа.

Он выразительно посмотрел на дверь, за которой скрылась Анна Сергеевна.

— Вы хотите сказать... — начала Любава.

— Я ничего не хочу сказать, — перебил он мягко. — Я лишь советую вам быть осторожной. В этом доме не все рады вашему возвращению.

Любава опустила глаза. Сердце её колотилось. Она уже начинала это понимать.

— А что за человек господин Трегубов? — спросила она.

— Мелкая сошка, — поморщился Прохоров. — Прислан из канцелярии для проверки документов. Но, полагаю, у него есть и другой интерес. Возможно, он служит не только губернии.

— Кому ещё?

Прохоров не ответил. Он вновь спрятал бумаги в портфель и поднялся.

— Об этом мы поговорим позже. Сейчас главное — чтобы вы не подписали ничего, не прочитав. И не доверяли тем, кто будет настаивать на скором замужестве.

Он поклонился.

— А теперь, сударыня, позвольте пригласить сюда господ. Формальности я улажу. Но помните: бумаги — это только бумаги. Истинная борьба начнётся тогда, когда сюда съедутся претенденты.

Он вышел. Любава осталась сидеть, переваривая услышанное. В голове был хаос. Похищение, завещание, опекунский совет, тайные враги... Всё это давило на неё, как каменная плита.

Через несколько минут в гостиную вернулись Анна Сергеевна и Трегубов. Поверенный зачитал официальное подтверждение, что Любава Вознесенская признана единственной наследницей покойного графа. Чиновник, покивав, объявил, что копия документа будет передана в канцелярию, а сама Любава должна явиться на подписание некоторых бумаг в губернский суд в течение недели.

Анна Сергеевна рассыпалась в благодарностях, улыбалась, жала руки. Но Любава видела, как дрогнула её улыбка, когда Прохоров упомянул о том, что все финансовые отчёты будут проверены независимой комиссией.

— Но это же недоверие ко мне! — воскликнула Анна Сергеевна, прижимая руку к груди. — Я столько лет управляла имением...

— Решение графа, — сухо ответил поверенный. — Он не хотел, чтобы кто-то злоупотреблял положением.

Любава заметила, как побелели костяшки пальцев Анны Сергеевны, сжатые на веере. Но та тотчас взяла себя в руки и снова заулыбалась.

— Разумеется. Я всё понимаю. Что ж, чай подан. Прощу к столу.

Когда гости уехали, в доме снова воцарилась тишина. Любава поднялась в свою комнату и села на подоконник, глядя на заснеженный сад. На душе было смутно. Она не знала, кому верить. Прохоров казался искренним, но старики умеют носить маски не хуже молодых. Анна Сергеевна была сама любезность, но её лстивые улыбки с каждым днём всё больше походили на оскал. Устинья Прокофьевна пугала своей холодностью и загадочными намёками. А Алексей... Он был далеко, в прошлой жизни, как сон.

Любава вздохнула и прижалась лбом к холодному стеклу. Ей хотелось убежать. Но куда? Она заложница этого дома, этого наследства, этой судьбы.

В дверь тихо постучали.

— Войдите, — отозвалась она.

Вошедшая горничная поклонилась и протянула ей маленький свёрток.

— Это вам, барышня. Какой-то мальчик принёс. Сказал, что от посыльного из города.

Сердце Любавы подпрыгнуло. Она схватила свёрток и развернула. Внутри оказалась дешёвая, но чистая тряпица, а в ней — две вещи: засушенная веточка брусники и короткая записка, написанная неровным, но старательным почерком:

«Любава Петровна, жив ли я ещё — не знаю, как и вы. Помню о вас всякий час. Ежели нужда будет — дайте знать через мальчика, что письма носит из трактира на углу. Ваш вечный слуга, А. П.»

Любава прижала записку к груди. Слёзы брызнули из глаз, но это были уже не горькие, а тёплые, почти счастливые слёзы. Он помнит. Он рядом. И в этом ледяном, фальшивом мире у неё есть хотя бы одна настоящая душа.

Она спрятала записку под подушку, а веточку брусники положила на подоконник. Вечером, глядя на неё, она уснула с мыслью об Алексее, и сон её был впервые за долгое время спокоен.

А внизу, в тёмной гостиной, Анна Сергеевна сидела у потухшего камина и смотрела в пустоту. Перед ней на столе лежало письмо. Она перечитала его ещё раз и усмехнулась.

«Подтверждение получено. Препятствие устранено. Жду распоряжений. — В.»

Она поднесла письмо к свече. Бумага вспыхнула и, корчась, обратилась в чёрный пепел. Анна Сергеевна растёрла пепел в пальцах и прошептала:

— Ну что ж, моя милая кузина. Поиграем.

Конец пятой главы.

Глава 6. Шёпот за спиной

Прошло три дня с отъезда поверенного. Три дня, в течение которых Любава почти не выходила из своей комнаты. Анна Сергеевна, разумеется, заметила её затворничество и не преминула выразить своё огорчение.

— Душа моя, так нельзя! — восклицала она, всплёскивая руками при каждой встрече. — Ты бледна, как поганка. Тебе нужен воздух, прогулки, общество. Что скажут соседи? Они решат, что ты больна или, упаси Бог, не в себе.

Любава отмалчивалась. Ей было тошно от этих приторных забот, от вечных улыбок, от сладкого голоса, который, она уже не сомневалась, лгал ей с первой минуты. Но и открыто сопротивляться она не решалась. Слишком зыбким было её положение. Слишком многое зависело от людей, которые её окружали.

На четвёртый день, утром, когда Любава сидела в библиотеке, листая старинный фолиант с гравюрами, дверь отворилась, и вошла Устинья Прокофьевна. Она была, как всегда, одета в тёмное, с аккуратно причёсанными седеющими волосами, и двигалась бесшумно, словно тень.

— Не помешаю? — спросила она, останавливаясь у порога.

Любава отложила книгу.

— Нет. Входите.

Устинья Прокофьевна села напротив, не спрашивая разрешения. Сложила руки на коленях, выпрямила спину. Некоторое время она молчала, разглядывая Любаву тем самым цепким, оценивающим взглядом, от которого становилось неуютно.

— Вам не кажется странным, — произнесла она наконец, — что Анна Сергеевна так усердно заботится о вашем замужестве?

Любава напряглась.

— Она говорит, что хочет мне добра.

— Добра? — Устинья Прокофьевна усмехнулась, но улыбка её вышла кривой, неживой.
— Что ж, возможно. Но только себе.

— Вы опять за своё? — Любава вздохнула. — Предупреждения, намёки. Почему вы не скажете прямо, что происходит?

Управляющая склонила голову набок, и в её тёмных глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Прямо? Извольте. Анна Сергеевна рассчитывает, что вы не доживёте до свадьбы. Или что ваш брак будет таким, что она сможет управлять вашим состоянием через мужа. Ей нужен послушный жених, которого она сама выберет.

Любава почувствовала, как кровь отхлынула от лица.

— Вы понимаете, о чём говорите? — прошептала она.

— Понимаю, — спокойно ответила Устинья Прокофьевна. — Иначе не говорила бы.

— Но почему вы мне это рассказываете? Вам-то какая выгода?

Управляющая поднялась, разгладила юбку.

— Может быть, я тоже хочу получить своё. А может, мне просто надоело смотреть, как эта змея обвивает всех, кто слабее. Решайте сами.

Она направилась к двери, но на пороге остановилась и, не оборачиваясь, добавила:

— Сегодня к ужину прибудет Арсений Дмитриевич. Анна Сергеевна уже распорядилась приготовить ваше лучшее платье. Советую надеть что-нибудь скромнее. И не пить вина, которое вам будут наливать.

Дверь закрылась. Любава осталась сидеть, оглушённая. Ей хотелось закричать, засмеяться, разрыдаться — всё разом. Мир вокруг неё сгустился, наполнился ядом, и она чувствовала, как этот яд проникает в кровь.

К вечеру, как и обещала Устинья Прокофьевна, к усадьбе подкатила знакомая чёрная коляска. Любава, выглянув в окно, увидела Верейского. Он выпрыгнул из экипажа легко, по-молодецки, и на мгновение замер, подняв голову к окнам. Она отпрянула, но успела заметить его усмешку.

За ужином всё было, как предсказано. Анна Сергеевна суежилась, разливала вино, смеялась, рассказывала какие-то пустые истории. Верейский сидел напротив Любавы, и его тёмные глаза беззастенчиво скользили по её лицу, шее, рукам. Он был обаятелен, но за этим обаянием угадывалась та же холодная, расчётливая натура, что и у Анны Сергеевны.

— Любава Петровна, вы сегодня особенно хороши, — произнёс он, поднимая бокал. — Загадочная, бледная, как луна. В вас есть что-то от ночного привидения.

— Благодарю, — сухо ответила Любава, не притрагиваясь к вину.

— О, не нужно меня бояться, — улыбнулся он. — Я всего лишь восхищённый созерцатель.

— Наслышана о вашем созерцании, — не удержалась она.

Верейский приподнял бровь.

— И что же говорят?

— Разное.

— Например?

Любава на мгновение замялась, но потом решила:

— Говорят, что вы разорили не одно состояние и что ваша репутация далека от безупречной.

Анна Сергеевна ахнула, прижав руку к груди.

— Любава! Как можно!

Но Верейский не выглядел оскорблённым. Напротив, он откинулся на спинку стула и рассмеялся — низко, раскатисто, но без малейшей весёлости.

— Репутация, — повторил он, отсмеявшись. — Это слово, которым трусы прикрывают свою серость. Моя репутация, сударыня, такова, что я никогда не предаю тех, кто со мной честен. И никогда не прощаю тех, кто встаёт у меня на пути.

Он посмотрел на Любаву в упор, и она почувствовала, как по спине пробежал озноб. Это было не просто заявление. Это была угроза.

Ужин закончился в тягостном молчании. Анна Сергеевна пыталась сгладить неловкость, но тщетно. Любава сослалась на головную боль и ушла к себе. За спиной она слышала, как Верейский говорил что-то Анне Сергеевне, и та отвечала ему вполголоса, быстро и напряжённо.

Ночью Любава не спала. Она сидела у окна, закутавшись в шаль, и смотрела на сад, залитый лунным светом. Ей было страшно. Но страх этот уже не парализовал, а, напротив, разжигал внутри что-то новое — упрямую, отчаянную решимость. Она не будет игрушкой в чужих руках. Не станет пешкой на чужой доске.

Она вспомнила записку Алексея, спрятанную под подушкой. «Ваш вечный слуга». Бедный, милый Алексей. Он верит в неё. Он ждёт. И, возможно, он — единственный, кому можно довериться.

На следующий день Любава выбралась из дома под предлогом прогулки. С ней увязалась горничная, но девушка отослала её, сославшись на то, что хочет побыть одна. Анна Сергеевна, занятая какими-то хозяйственными делами, не стала настаивать.

Любава вышла за ворота усадьбы и направилась по заснеженной дороге в сторону города. Идти было далеко, но она не боялась. Мороз щипал щёки, снег хрустел под сапожками. Впервые за долгое время она чувствовала себя свободной, пусть и ненадолго.

Дойдя до околицы, она нашла трактир на углу, о котором писал Алексей. Деревянное, покосившееся здание с низкой дверью и тёмными окнами. Из трубы валил дым. У входа стоял мальчишка лет двенадцати, в рваном тулупе и огромных, не по размеру, валенках. Он грыз сухарь и с любопытством уставился на Любаву.

— Тебя как зовут? — спросила она.

— Петькой, — ответил мальчишка, не переставая жевать.

— Петька, ты знаешь посыльного Алексея?

Мальчишка прищурился.

— Знаю. А вы кто будете?

— Я — Любава Петровна. Он писал, что ты можешь передать ему весточку.

Петька оживился, сунул сухарь за пазуху.

— А! Так это вы! Алешка про вас все уши прожужжал! Он как узнал, что вы в графском доме, так чуть с ума не сошёл. Всё говорил: «Пропадёт она там, пропадёт!»

Любава почувствовала, как тёплая волна поднимается в груди.

— Передай ему, что у меня всё хорошо, — сказала она. — И что я...

Она замялась. Что я? Скучаю? Жду? Боюсь?

— Передай, что я помню о нём. И что мне нужна его помощь.

Петька кивнул, но не уходил.

— А ещё он просил передать вам вот это, — сказал он, озираясь, и сунул ей в руку что-то маленькое, холодное. — Сказал, чтоб вы никому не показывали.

Любава разжала ладонь. На ней лежал простой серебряный крестик на тонкой цепочке. Старый, потемневший, но тёплый оттого, что долго лежал у чьего-то сердца.

— Это его матери крестик, — пояснил Петька. — Он сказал: «Пусть хранит её».

Любава сжала крестик в кулаке. Слёзы, против воли, выступили на глазах.

— Спасибо, Петька, — прошептала она.

Обратно она шла, не чувствуя ног под собой. В груди разливалось странное, горькое и сладкое одновременно чувство. Она не знала, что это — благодарность, нежность или что-то большее. Но оно придавало сил.

Вечером, когда она вернулась в усадьбу, её уже ждали. Анна Сергеевна стояла в вестибюле, скрестив руки на груди. Лицо её было искажено плохо скрываемым гневом.

— Где ты была?! — воскликнула она, но тут же опомнилась и заставила себя улыбнуться. — Я так волновалась! Ты ушла без сопровождения, пешком, по морозу! Что скажут люди?

— Люди уже говорят, — спокойно ответила Любава. — Пусть говорят.

Анна Сергеевна застыла. Улыбка её дрогнула, а в глазах мелькнуло выражение, от которого у Любавы похолодело на душе. Это была ненависть. Чистая, ничем не прикрытая ненависть.

Но уже в следующее мгновение Анна Сергеевна овладела собой и рассмеялась.

— Ах, какая ты всё-таки дикарка! — проворковала она, обнимая Любаву за плечи. — Но я люблю тебя именно такой. Непосредственной, живой. Ты отдохни, а завтра у нас важный день.

— Что будет завтра? — настороженно спросила Любава.

— Завтра, — Анна Сергеевна заглянула ей в глаза, — мы нанесём ответный визит Загорским. Там соберётся весь уезд. И ты, моя милая, должна произвести фурор.

Она ушла, оставив Любаву одну в полумраке вестибюля. Та стояла, сжимая в кармане серебряный крестик, и смотрела вслед удаляющейся фигуре.

Завтра будет новый день. Новая битва. И она должна быть к ней готова.

Конец шестой главы.

Глава 7. Чужая игра

Дорога до имения Загорских заняла чуть более часа. Любава сидела в карете рядом с Анной Сергеевной, куталась в меховую накидку и смотрела в окно. Заснеженные поля, тёмные перелески, редкие деревеньки, над крышами которых курились дымки. Всё это было красиво, но чуждо. Она чувствовала себя гостьей, попавшей на чужой праздник.

Анна Сергеевна, напротив, была оживлена до предела. Она то поправляла шляпку, то разглаживала перчатки, то бросала на Любаву быстрые, оценивающие взгляды.

— Ты только не дичись, — наставляла она. — Будь приветлива, улыбайся. Но в меру. Не нужно показывать, что ты смущена. Знатные люди это сразу чувствуют и презируют.

— Я не смущена, — тихо ответила Любава.

— Вот и славно. И, ради Бога, не говори о своей потере памяти. Это вызывает ненужные вопросы. Если спросят, просто отвечай, что всё со временем наладится.

— А если не наладится?

Анна Сергеевна поджала губы.

— Тогда придётся придумать что-нибудь ещё.

Любава отвернулась. Ей не нравился этот разговор. Ей вообще не нравилось всё, что происходило.

Имение Загорских встретило их звоном колокольчиков на сбруе и лаем гончих. Дом был меньше «Отрадного», но выглядел ухоженным и богатым. У входа сустились слуги, принимали прибывающих гостей. Снег перед крыльцом был утоптан множеством сапог и полозьев.

Любава вышла из кареты, и её тотчас накрыло волной чужих взглядов. Гости, ещё не вошедшие в дом, оборачивались на неё, перешёптывались. Она слышала обрывки фраз: «та самая», «наследница Вознесенских», «нашли в лесу», «говорят, совсем дикая».

Она вскинула голову и прошла в дом с таким видом, будто всю жизнь только и делала, что посещала приёмы. Спину держала прямо, подбородок — чуть приподнят. Внутри всё дрожало, но она не позволяла страху вырваться наружу.

Зал был полон. Горели свечи, пахло воском, духами и мокрым мехом. Дамы в пышных платьях, мужчины в сюртуках и мундирах. Смех, разговоры, звон бокалов. Любава в своём тёмно-синем бархатном платье выглядела скромно, но именно эта скромность выделяла её среди прочих.

Графиня Загорская встретила их у входа. На её лице застыла приветственная улыбка, но глаза оставались ледяными.

— Ах, как мы рады! — проворковала она, протягивая руку Анне Сергеевне. — И вы, Любава Петровна, почтили нас визитом. Проходите, почувствуйте себя как дома.

Любава сделала книксен, как учила её горничная. Графиня окинула её беглым взглядом, задержавшись на слишком простом платье, и усмехнулась.

— Какая вы... бледненькая, — произнесла она. — Вам бы больше бывать на воздухе.

— Я бываю, — ответила Любава ровно.

— Ну-ну.

Графиня отвернулась к другим гостям. Любава осталась стоять, чувствуя, как горят щёки. Анна Сергеевна сжала её локоть.

— Не принимай близко к сердцу, — шепнула она. — Она просто завидует.

— Чему? — горько усмехнулась Любава.

— Твоей молодости. И твоему наследству.

Они прошли в гостиную. Любаву представили нескольким дамам, чьи имена она тут же забыла. Ей улыбались, расспрашивали о здоровье, о том, как ей нравится в усадьбе. Вопросы были пустыми, как ореховые скорлупки, и столь же безопасными. Любава отвечала коротко, вежливо, стараясь не выдать волнения.

Верейский появился внезапно. Он словно вынырнул из толпы, материализовался рядом, и Любава вздрогнула, почувствовав его руку на своём локте.

— Вы сегодня особенно задумчивы, — произнёс он, склоняясь к её уху. — Что вас тревожит?

— Ничего, — ответила она, отстраняясь.

— Неправда. Я вижу больше, чем вам кажется.

Он увлёк её в сторону, подальше от любопытных ушей. Любава не сопротивлялась — не хотела устраивать сцену.

— Зачем вы это делаете? — спросила она, когда они остановились у окна.

— Что именно?

— Играете со мной. Ходите кругами. Говорите загадками.

Верейский посмотрел на неё с тем же холодным, изучающим интересом.

— Я не играю, — ответил он тихо. — Я жду.

— Чего?

— Пока вы поймёте, что я — ваш единственный шанс.

Любава нахмурилась.

— Шанс на что?

— На спасение, — произнёс он, и в его голосе прозвучало нечто, похожее на искренность. — Посмотрите вокруг. Все эти люди видят в вас либо угрозу, либо лакомый кусок. Кто-то хочет вас использовать, кто-то — уничтожить. А я предлагаю союз.

— И что же вы хотите взамен?

Он усмехнулся.

— Вас.

Любава отшатнулась.

— Это не союз. Это сделка.

— Вся жизнь — сделка, — парировал он. — Вы узнаете это, когда станете графиней. Или не узнаете, если не доживёте.

Он поклонился и отошёл, оставив Любаву в смятении. Она стояла у окна, глядя на заснеженный сад, и думала, что запуталась окончательно. Можно ли верить этому человеку? И если да, то какова цена?

Тем временем в зале происходило нечто странное. Любава заметила, как Анна Сергеевна разговаривает с одной из дам, то и дело оглядываясь на неё. Лицо её было озабоченным, но когда она ловила на себе взгляд Любавы, тотчас расплывалась в улыбке.

Позже, за ужином, Любава оказалась сидящей рядом с пожилой, глуховатой баронессой, которая без умолку рассказывала о своих собаках. Любава слушала вполуха, разглядывая гостей. Она искала глазами Верейского, но тот сидел в дальнем конце стола, рядом с молодой красивой дамой, и что-то шептал ей на ухо. Дама смеялась, запрокидывая голову.

Любава почувствовала укол. Не ревность, нет. Скорее досаду. Он только что предлагал ей союз, а теперь флиртует с другой. Впрочем, чего ещё ждать от человека с такой репутацией?

После ужина гости перешли в залу для танцев. Любава не танцевала. Она сидела в углу, наблюдая за кружащимися парами. Анна Сергеевна несколько раз подходила к ней, предлагала познакомиться с тем или иным кавалером, но Любава отказывалась.

— Ты совершаешь ошибку, — прошептала Анна Сергеевна, наклонившись к ней. — Люди уже говорят, что ты высокомерна.

— Пусть говорят.

— Это плохо. Очень плохо.

Она отошла. Любава осталась сидеть, сжав в кармане серебряный крестик. Ей хотелось уйти, вернуться в свою комнату, спрятаться от этого чужого, враждебного мира. Но она знала: бегство не спасёт.

Внезапно у входных дверей произошло движение. Любава подняла голову и увидела, как в залу вошёл слуга в ливрее Загорских. Он был взволнован и что-то быстро говорил графу. Тот нахмурился, поднялся, вышел. Через несколько минут он вернулся, и лицо его было мрачнее тучи.

— Прошу прощения, господа, — произнёс он, поднимая руку. — Небольшая заминка. Прибыл гонец с важной депешей из губернской канцелярии. Касается нашей уважаемой гостьи. Все взгляды обратились к Любаве. Она почувствовала, как кровь отхлынула от лица.

— Меня? — прошептала она.

Граф кивнул.

— Да, сударыня. Прошу вас пройти в кабинет. Гонец ожидает.

Любава поднялась на негнущихся ногах. Анна Сергеевна сделала движение, чтобы пойти с ней, но граф остановил её.

— Только сама Любава Петровна, — сказал он сухо. — Таково распоряжение.

Любава шла через залу, чувствуя на себе десятки глаз. Взгляды липли к ней, как мокрая паутина. Она слышала шёпот, но не разбирала слов. Впереди, у двери, стоял граф. Он проводил её до кабинета, открыл дверь и пропустил внутрь.

В кабинете было полутемно. Горела лишь одна свеча на столе. У окна стоял человек. Любава не сразу его узнала. Но когда он обернулся, сердце её дрогнуло.

— Алексей? — выдохнула она.

Перед ней стоял посыльный. Всё тот же, из её прежней жизни. В той же простой рубаше, том же тулупе, но измученный, похудевший, с тёмными кругами под глазами. Он смотрел на неё, как на чудо, и губы его дрожали.

— Любава Петровна, — произнёс он хрипло. — Я боялся, что не увижу вас больше.

— Как ты здесь оказался? — спросила она, не веря своим глазам.

— Меня послали с депешей. Я вызвался сам. Но это не главное.

Он шагнул к ней и вдруг опустился на колени, как перед госпожой.

— Я пришёл предупредить вас. Завтра в усадьбу прибудет человек из столицы. Он будет выдавать себя за чиновника. Но на самом деле он нанят Анной Сергеевной. Его задача — подписать бумаги, по которым вы передадите ей право управления наследством.

Любава замерла.

— Откуда ты знаешь?

— Я слышал разговор в трактире. Анна Сергеевна встречалась с каким-то типом. Я не знал, как вас найти, но потом узнал, что вы здесь, и вот...

Он замолчал, переводя дыхание. Любава смотрела на него, и в груди её поднималась волна благодарности, нежности и страха. За него. За себя. За всё.

— Встань, — тихо сказала она. — Пожалуйста, встань.

Он поднялся. Они стояли друг напротив друга в полутьме кабинета, и между ними было столько всего невысказанного, что слова казались лишними.

— Я не подпишу ничего, — произнесла Любава твёрдо. — Обещаю.

Алексей кивнул.

— А я буду рядом. Всегда. Даже если вы меня не видите.

Он сжал её руку — быстро, горячо — и вышел из комнаты. Любава осталась стоять, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

Ей предстояло вернуться в зал, к гостям, к Анне Сергеевне, к Верейскому. Но теперь она знала: у неё есть враги, есть союзники и есть цель. И она не сдастся.

Она вышла из кабинета с высоко поднятой головой. В зале её встретили шёпотом. Анна Сергеевна подлетела к ней, бледная, но улыбающаяся.

— Что случилось? Что за депеша? Почему ты молчишь?

Любава посмотрела на неё долгим, тяжёлым взглядом.

— Всё в порядке, — ответила она. — Просто проверка. Ничего страшного.

Анна Сергеевна облегчённо выдохнула, но Любава уже не верила её облегчению. Она видела насквозь эту улыбку, эти дрожащие пальцы, этот испуганный, бегающий взгляд.

И впервые за всё время почувствовала себя сильнее той, что стояла напротив.

Конец седьмой главы.

Глава 8. Печать и пламя

Возвращение из имения Загорских вышло тягостным. Всю дорогу Анна Сергеевна сидела, отвернувшись к окну, и молчала. Только пальцы её, затянутые в перчатку, нервно теребили край муфты. Любава тоже не нарушала тишину. Она смотрела на проплывающие за окном тёмные леса и думала о том, что Алексей рассказал ей в кабинете. Значит, завтра. Лже-чиновник прибудет в усадьбу с бумагами. И от того, как она себя поведёт, зависело всё.

Ей было страшно. Но страх уже не сковывал, а, напротив, обострял чувства. Она впервые ощущала себя не жертвой, а человеком, готовым к схватке. Пусть даже противник сильнее, опытнее, коварнее. Она не сдастся без боя.

Карета въехала во двор «Отрадного» уже затемно. Окна дома горели тёплым жёлтым светом, но Любаве он казался обманчивым, как огонь над болотом. Дом улыбался, а внутри его таился яд.

— Ты, верно, устала, — произнесла Анна Сергеевна, выходя из кареты. Голос её звучал мягко, почти заботливо. — Иди отдыхай. Завтра у нас, кажется, не будет гостей.

Любава пристально посмотрела на неё.

— А я слышала, что будет.

Анна Сергеевна вздрогнула. На мгновение её улыбка застыла, но она быстро опомнилась.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего, — Любава отвела взгляд. — Просто слухи.

Она прошла в дом, не прощаясь. За спиной слышала, как Анна Сергеевна что-то быстро шепчет горничной. Двери закрылись, отрезав её от морозного воздуха.

Ночью Любава не сомкнула глаз. Она сидела на кровати, поджав ноги, и смотрела на серебряный крестик, лежавший на ладони. Он был холодным, но ей казалось, что от него исходит тепло. Тепло Алексея, его преданности, его невысказанной любви. Она сжала крестик в кулаке и прошептала:

— Помоги мне. Дай сил.

Утром дом наполнился той же суетой, что и перед приездом Загорских. Слуги бегали, натирали полы, несли свечи. Анна Сергеевна облачилась в строгое платье тёмного цвета, словно собиралась на панихиду. Любава же, напротив, выбрала светлое, почти белое платье с высоким воротом. Она хотела выглядеть чистой, непорочной, но не слабой. А главное — чтобы ни одна тень не упала на её лицо.

Гость прибыл в десятом часу. Любава наблюдала за ним из окна своей комнаты. Это был мужчина лет пятидесяти, низкорослый, с объёмистым брюшком, в дорожном сюртуке и шляпе с полями. Держался он важно, но в движениях его угадывалась суетливость, точно у приказчика, выбившегося в люди. На шее у него болталась цепочка с печатью, а под мышкой — толстый кожаный портфель.

Анна Сергеевна вышла встречать его на крыльцо. Они обменялись поклонами, затем гость что-то спросил, кивая на дом, и Анна Сергеевна, оглянувшись на окна, понизила голос. Любава не слышала слов, но ей и не нужно было. Она знала, о чём они говорят.

Через час её позвали в малую гостиную. Любава спустилась по лестнице, стараясь ступать твёрдо, не цепляясь за перила. У дверей её уже ждали. Анна Сергеевна стояла с лицом, выражающим почтительную тревогу.

— Любава, душенька, — заговорила она, взяв её за руки, — это господин Боровитин, поверенный из столицы. Он привёз какие-то важные бумаги, которые необходимо подписать для окончательного вступления в права.

Любава высвободила руки.

— Пусть он сам объяснит.

Они вошли в гостиную. Господин Боровитин сидел за столом, разложив перед собой бумаги. При появлении Любавы он поднялся, поклонился с преувеличенной учтивостью.

— Любава Петровна! — произнёс он слащавым голосом. — Какая честь! Я наслышан о вас. И должен сказать, что слухи не преуменьшают вашей красоты.

— Благодарю, — сухо ответила Любава, не садясь. — Что за бумаги?

Боровитин замялся, покосился на Анну Сергеевну, которая тотчас зашебетала:

— Ах, это всего лишь формальности! Подтверждение права на управление имуществом на время до вашего замужества. Ничего серьёзного.

— Я бы хотела прочитать, — сказала Любава.

— Конечно-конечно! — Боровитин закивал, пододвигая к ней листы. — Извольте ознакомиться.

Любава взяла бумаги. Они были напечатаны мелким, убористым шрифтом, с множеством канцелярских оборотов. Она читала медленно, стараясь вникать в смысл. И чем дальше читала, тем сильнее бледнела.

— Здесь сказано, — произнесла она, не поднимая глаз, — что я передаю право полного управления всем наследством Анне Сергеевне Залесской. Без права отзыва. И что любые мои решения должны быть согласованы с ней.

В комнате повисла тишина. Любава подняла голову и посмотрела на Анну Сергеевну. Та улыбалась, но улыбка её дрожала.

— Это временная мера, — быстро сказала Анна Сергеевна. — Ты так неопытна в делах... Я лишь хочу помочь.

— Помочь? — Любава отложила бумаги. — Это не помощь. Это передача всей власти. Я не подпишу.

Боровитин заёрзал на стуле.

— Но, сударыня, это необходимо! Без вашей подписи дело о наследстве затянется на месяцы, а то и годы. Вы же не хотите остаться без средств?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.